

**ЭКЗИСТЕНЦИЯ ГЕРОЯ
В ТОПОСФЕРЕ КЁНИГСБЕРГА/КАЛИНИНГРАДА
(«ТАНЦЫ В КРЕМАТОРИИ» Ю. Н. ИВАНОВА
И «ЗАКАТ КЁНИГСБЕРГА» М. ВИКА)**

В. В. Малащенко¹

На основе компаративного анализа исследуется экзистенция главных героев в топосфере Кёнигсберга/Калининграда романа-хроники Ю.Н. Иванова и мемуаров М. Вика. Произведения объединяют явные типологические конвергенции: идейно-тематическая общность, общих комплекс мотивов, топосов/локусов, значимые текстуальные совпадения. Устанавливается, что проблема экзистенции главных героев решается писателями по-разному: у Ю.Н. Иванова топос города в рецепции героя маркирован надеждой-жизнью, у героя М. Вика – трагическим разочарованием-смертью города.

***Ключевые слова:** Ю.Н. Иванов, М. Вик, Кёнигсберг, Калининград, топосфера, типологические конвергенции.*

Основополагающие этические категории добра и зла, свободы и необходимости, смысла человеческой жизни всегда ставили и ставят мыслящего человека в состояние осознанного нравственного выбора. Именно человек является полем драматической борьбы между добром и злом, нравственностью и безнравственностью и, в конечном итоге, между Богом и дьяволом. Как отмечает Николай Бердяев, сама «история в высшей степени драматична, поэтому в ней постоянно происходит столкновение и борьба царства Духа и царства Кесаря, которое имеет тенденцию быть царством тоталитарным. Одинаково ложно видеть повсюду в жизни мира торжество злой, дьявольской силы и видеть прогрессирующее раскрытие и торжество божьей доброй силы» [1, с. 300–301]. Свобода выбора, человеческая свобода вообще невозможна вне коммуникации с окружающим миром. В драматических,

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 24.04.2017 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-4

© Малащенко В. В., 2017

трагических, пограничных ситуациях, в которых оказывается человек, проблема его экзистенции и осознанного выбора возникает во всей своей полноте. По мысли Карла Ясперса, «человек — единственное существо в мире, которому в его наличном бытии открывается бытие» [6, с. 455]. Только испытав на себе негативное влияние, например тоталитарной политики, националистической идеологии, расовых теорий общества, пережив какую-либо из пограничных ситуаций, смерти, вины, страдания, борьбы за жизнь, неизлечимой болезни, человек может открыть для себя метафизический, трансцендентный мир, связанный с ним самим. Постигание смысла жизни и «тайны мира в человеческом существовании возможно лишь потому, что человек есть микрокосм и микротеос» [1, с. 184–185]. Как совершенно точно отмечает П.П. Гайденко, «лишь знаки трансцендентного, обнаруженные в этом имманентном мире, могут осветить новым смыслом человеческую экзистенцию, указав в то же время всю глубину и значимость экзистенциального общения с другими (другим) — перед лицом трансцендентного» [3, с. 18].

Русский писатель Юрий Николаевич Иванов (1928–1994) и немецкий музыкант, писатель еврейского происхождения Михаэль Вик (род. в 1928) волею судьбы и агрессивной внешней политики Германии, развязавшей Вторую мировую войну, оказались поставлены в пограничную *ситуацию* (замечу, знаковую в анализе человеческой экзистенции у К. Ясперса) жизни и смерти, свободы и необходимости, смысла человеческой жизни с неизбежным в таком случае обращением к трансцендентальному началу, к Богу. Обращением к Богу как коммуниста Юрия Иванова и верующего, но не ортодоксального еврея Михаэля Вика, так и главных героев их произведений. В главе «Бомбардировки Кёнигсберга» Вик пишет: «Возможность внезапной смерти — знакомое мне состояние, с ним я давно свыкся, а раз ни на "когда", ни на "как" повлиять невозможно, мысль о том, что "смерть моя в руках Божьих", стала частью моего естества, моим панцирем» [2, с. 137].

Односторонняя идеологическая позиция официальных властей нашей страны долгое время не могла допустить, чтобы эти идеологически «вредные» и «опасные» произведения двух писателей были изданы в России.

Роман-хроника «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни» написан Ю. Ивановым в 1993 году, а издан в 2006-м (2-е издание — 2015), мемуары «Закат Кёнигсберга: свидетельство немецкого еврея» изданы М. Виком в Германии в 1988 году, а переведены и изда-

ны на русском в 2004-м (2-е издание — 2015). Сегодня, к счастью, время и идеология изменились, несмотря на то, что отдельные ее агрессивно-ортодоксальные проявления периодически напоминают о себе.

Мы не ставим своей целью подробно исследовать поэтику этих двух текстов. Справедливости ради отметим, что роман-хроника Ю.Н. Иванова не является вершиной творчества писателя. В центре нашего интереса — экзистенция главных героев в топосфере Кёнигсберга/Калининграда в романе-хронике Ю. Иванова и мемуарах М. Вика. Оба произведения имеют *явные типологические схождения* при всем их семантическом и ином различии.

В центре произведений авторов — трагические судьбы двух 17-летних юношей из интеллигентских семей: русского солдата Володи Волкова, родившегося в Ленинграде, военного могильщика, барабанщика (2-й малый барабан) из музыкально-похоронной команды и немецкого еврея Михаэля Вика, родившегося в Кёнигсберге, который так же, как и герой Иванова, с приходом в город русских солдат по их приказу выполнял аналогичную работу — отыскивал и хоронил трупы немцев. Володя оказался в Кёнигсберге в апреле 1945 года вместе с частями Красной Армии, а Вик — постоянный житель Кёнигсберга, испытавший на себе политику расовой «выбраковки» евреев в Германии, переживший падение и захват Кёнигсберга Красной Армией. Герои попадают в «жернова» истории, их судьбы обожжены войной настолько сильно, что их память не может освободиться от прошлого и спустя многие годы. Два мальчика, верящие в добро и лицом к лицу столкнувшиеся со злом, но не побежденные им.

Близки эти автобиографические произведения и на *идейно-композиционном уровне*. Они представляют собой фрагментарные воспоминания главных героев, взрослых людей, память которых постоянно возвращает их к поре юности. Не в силах удерживать эти прошлые события в памяти, Ю. Иванов и М. Вик творчески «освобождаются» от них, один — автобиографическим романом-хроникой, другой — мемуарами.

На принципе фрагментарности строится внешняя и внутренняя структура обоих произведений. Роман Ю. Иванова состоит из предисловия и 10 глав-эпизодов. Мемуары Вика включают пролог, 34 главы-эпизода и 4 приложения («К седьмому немецкому изданию», «Отзывы читателей», «Письмо», «Путевой отчет»). Иванов и Вик выбирают особенно яркие воспоминания предвоенной и военной поры и, словно мозаику, складывают их в целостную картину. Как пишет Вик в главе «Фрагменты», «рассказы о пережитом — всегда результат отбора. Помимо событий, которые легко упорядочить, существуют такие, что не

поддаются расстановке в строгой временной последовательности и напоминают фрагменты сложной головоломки. Таковы многие детали моей трехлетней "русской мозаики": не слишком важно, когда именно произошли события, о которых я теперь вспоминаю» [2, с. 279].

Топосферу Кёнигсберга уже в заглавии у Вика и Иванова изначально задает топоним Кёнигсберг, поставленный авторами в сильную позицию. Кроме того, вынесенные в названия глав-эпизодов *урбанионимы* (*городские хоронимы*) «подключают» и уже на эксплицитном уровне формируют особую топосферу Кёнигсберга/Калининграда. В романе Иванова это 4 главы: «Танцы в крематории», «Четыре головы» (Бургшуле), «Свидание на кладбище», «Мертвый город». В мемуарах М. Вика это 11 глав: «Нидден», «Школа немецкая», «Школа еврейская», «Столярная мастерская», «Химическая фабрика "Гамм и сын"», «Бомбардировка Кёнигсберга», «Осада Кёнигсберга», «"Кладбище" Кёнигсберг», «Концлагерь Ротенштайн», «Больница "Милосердие"» и, отдельно, «Берлин». Топос Кёнигсберга в структуре произведений Иванова и Вика кодирует особый символический хронотоп, связанный с судьбами немцев и русских, трагически преломленными в глобальной исторической катастрофе Второй мировой войны. Этот аспект очень точно подчеркивает В.Х. Гильманов: «Кёнигсберг, субстанционально сгинувший в трагических перипетиях истории, поистине уникален в своей знаковой эмблематике: она отражает перманентный катастрофизм человеческой истории, в которой все яснее просматриваются признаки трагической неспособности человека разрешить основополагающие экзистенциальные вопросы» [4, с. 3].

Хронотопы романов маркированы двумя временными пластами. В романе «Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни» Юрия Иванова хронотоп охватывает настоящее время — период 1990-х годов и прошлое — 1945—1947/1948 годов, с экскурсами-воспоминаниями героя о блокадном Ленинграде, последовательно сменяющимися друг друга в главах-эпизодах.

В «Закате Кёнигсберга» М. Вика тоже два хронотопа: прошлое — период с раннего детства героя до отъезда из Кёнигсберга в Германию семьи Виков весной 1948 года с незначительными подключениями настоящего времени и настоящее — дальнейшая судьба и карьера Михаэля-музыканта.

Топос произведений Иванова и Вика максимально насыщен урбанионимами — агоронимами, годонимами и городскими хоронимами и, отчасти, гидронимами, создающими драматически-трагическую топосферу разрушенного Кёнигсберга/Калининграда. В ней преломляются в трагическом ключе судьбы Володи Волкова и, особенно, Михаэля,

вынужденного ради выживания работать по 12 часов в день, заниматься воровством у русских, бороться с голодом, холодом, болезнями и в большей степени негативным отношением к нему и оставшемуся гражданскому населению Кёнигсберга русских солдат. Оба героя жили в одном районе Кёнигсберга — Амалиенау (Октябрьский район).

Основные урбанонимы в романе Иванова: *годонимы* — Лавскер Аллея (проспект Победы), Штеффекштрассе (ул. Лейтенанта Катина) — адреса квартир, в которых жил герой, Адальбертштрассе (ул. Марины Расковой), Альте-Пиллауер-Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского), Кранцер Аллея (ул. А. Невского) и др.; *агоронимы* — Адольф-Гитлер-Плац (площадь Трех Маршалов/Победы); *городские хоронимы* — кирха Св. Адальберта, Юдиттен-кирха, кирха Королевы Луизы, Кафедральный собор, замок, Хауптбанхоф (главный вокзал), Нордбанхоф (Северный вокзал), Тиргартен (зоопарк), плац Эриха Коха (стадион «Балтика»), Бургшуле (гимназия №1), крематорий, военный госпиталь, биржа; *гидронимы* — река Прегель (*потамоним*), *инсулоним* — остров и район Кнайпхоф.

Основные урбанонимы в мемуарах Вика: *годонимы* — Штайнметцштрассе (ул. Степана Разина), Шрёттерштрассе (ул. Красная) — адреса квартир, в которых жил герой, Бетховенштрассе (ул. Кирова), Гольтцаллее (ул. Гостиная — квартира матери Вика), Альте-Пиллауер-Ландштрассе (ул. Дмитрия Донского), Луизеналлее (ул. Комсомольская), Хаммервег (просп. Мира) и др.; *агоронимы* — Парадеплац (Университетская площадь); *городские хоронимы* — Луизенваль (территория Центрального парка), Немецкая школа, Еврейская школа, Университет, книжный магазин «Грефе унд Унцер», синагога, Кёнигсбергская опера, кирха Королевы Луизы, еврейский сиротский приют и др.; *гидронимы* — река Прегель (*потамоним*), Замоквый пруд (Нижнее озеро) (*лимноним*), *инсулоним* — остров и район Кнайпхоф.

Все эти многочисленные топонимы создают в пространстве текстов двух авторов *замкнутый хронотоп* разрушенного войной и сгоревшего в ходе артобстрела английской авиации в августе 1944 года и штурма Красной Армией «мертвого» города Кёнигсберга/Калининграда, в котором живут главные и второстепенные герои произведений. Они проходят через первую любовь, дружбу, но и разлуку, воровство, первую смерть, первое предательство. Учатся преодолевать невероятные трудности и испытания, выпавшие на их судьбу. Более ровно проходит через испытания Володя Волков, более трагична судьба Михаэля, вначале притесняемого нацистами за свое еврейское происхождение, а затем русскими за то, что он немец.

В мемуарах Вика правдиво описываются отдельные случаи жестокого отношения русских солдат к немецким военным, пленным и гражданскому населению. Однако Вик неоднократно описывает и положительные стороны русских солдат и офицеров – милосердие, сочувствие, доброту, бескорыстность, порядочность. Он оправдывает их поступки мстью за зверства фашистов в этой войне, считая поведение русских солдат следствием, а не причиной насилия. Вик пишет о русских, что «следовало бы, однако, почаще вспоминать о том, что их объявили недочеловеками, что на них вероломно напали и что их страну разорили. Каждый русский нес в своем сердце боль за миллионы павших в бою, умерших от голода, за убитых родственников или знакомых» [2, с. 228].

Вик обвиняет Гитлера за развязанную им войну и немцев, поддавшихся идеологической пропаганде национал-социализма, он выносит приговор коменданту Кёнигсберга Отто Ляшу за затягивание процесса капитуляции, приводит архивные документы о зверствах фашистов в отношении евреев. Вик сожалеет, что до сих пор «в Германии не состоялось честного обсуждения проблемы вины» [2, с. 198].

Экзистенция героев в произведениях Ю. Иванова и М. Вика схожа в подходе авторов к изображению и постепенному формированию стойкого внутреннего мира героев и их духа. Изначально эта стойкость была заложена в героях интеллигентными отношениями и нравственными нормами в семьях их родителей, а далее она оформилась в той пограничной ситуации, в которой оказались Володя и Михаэль. На их жизнь повлияли также книги, музыка, самостоятельный поиск смысла жизни и путь к Богу. В самом начале романа Володя Воронов рассуждает: «А вот с Богом можно было разговаривать, о чем-то просить его, о чем-то с ним советоваться. Это оказалось так удобно! Ведь он в ответ молчал, и возникало ощущение, что он слушает тебя, что он в чем-то тебе помогает...» [5, с. 6].

Оба автора, каждый по своему, рассуждают о сложных взаимоотношениях русских и немцев в послевоенном Калининграде/Кёнигсберге, о пагубности тоталитарных режимов и расовой ненависти. И оба приходят к выводу о том, что «это никогда не должно повториться» [2, с. 325]. Добро, человеческое, гуманное, духовное начало должно побеждать зло!

В воспоминаниях Вика *мотив неприкаянности, изгнанничества, утраты родины* постепенно вытесняется его главным делом – занятием музыкой, которая и стала для него обретенным домом и желанной родиной.

А в романе Ю. Иванова неоднократно возникает устойчивый *символический мотив*, знаковый символический образ парящего над мерт-

вым городом Христа, оберегающего Кёнигсберг, — подвешенный к потолку на цепи деревянный Иисус Христос, пробитый осколками и раскачивающийся на сквозняке в наполовину разрушенной католической капелле Св. Адалберта в районе Амалиенау, которую по ошибке Ю. Иванов называет Альбрехт-кирхой. «Вначале мы отправились по Лавскер Аллее к Альбрехт-кирхе, где все так же будто летел на своем кресте, парил в воздухе над пустынной заснеженной улицей, над ледяным Кёнигсбергом Иисус Христос. Кто-то надел на него рубаху, только задом наперед, разрезом на спину, и примотал рубаху к телу. Голые, скорченные от мороза ноги с большущими, словно распухшими, ступнями торчали из-под нее..» [5, с. 356]. И еще одна важная деталь. В топосфере Кёнигсберга/Калининграда произошло единение экзистенций героев и авторов произведений. Вик пишет: «Председатель местного фонда культуры Иванов рассказывает, что хорошо помнит, как в 1947 году на танцах я играл на скрипке, а он танцевал» [2, с. 342]. Подчеркнем, что оба произведения объединяет общая авторская интенция — гуманистическое отношение к человеку и миру.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.
2. Вик М. Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея. СПб. ; Потсдам, 2004.
3. Гайденко П. П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 5–26.
4. Гильманов В. Х. Проблемы региональной литературы: «кёнигсбергский текст» как предмет художественного опыта : учеб. пособие. Калининград, 2010.
5. Иванов Ю. Н. Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни. Калининград, 2015.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

Об авторе

Малащенко Владимир Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

Для цитирования:

Малащенко В. В. Экзистенция героя в топосфере Кёнигсберга/Калининграда («Танцы в крематории» Ю. Н. Иванова и «Закат Кёнигсберга» М. Вика) // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 41–49. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-4.

CHARACTER'S EXISTENCE
IN THE KÖNIGSBERG/KALININGRAD TOPOSPHERE:
Yu. N. IVANOV'S DANCES IN THE CREMATORIUM
AND MICHAEL WIECK'S THE DECLINE OF KÖNIGSBERG

V. V. Malashchenko¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on April 24, 2017

A comparative analysis of the existence of the main characters in Yuri Ivanov's Dances in the Crematorium and Michael Wieck's The Decline of Königsberg demonstrates clear typological convergences. The common toposphere is Königsberg/Kaliningrad, which incorporates a wide range of toponym types and subtypes – the district of Amalienau, Hufen-Allee, Alte Pillauer Landstraße, Paradeplatz, Nordbahnhof, Tiergarten, Luisenwahl, Kneiphof, Pregel, Schlossteich to name just a few. The urbanonyms denoting the main characters' places of residence are Lawsker Allee and Steffekstraße (Ivanov) and Steinmetzstraße (Wieck). The works share common themes – memory, faith, physical constraints, the freedom of human spirit, moral and amorality, personal and collective responsibility, and the evil of totalitarian regimes and racial hatred. The analysis shows common motifs in the works, those of destiny, desperate situations, ordeals, and suffering. The texts have a similar structure combining reminiscences of the main characters with interactions between the past and the present. However, the two authors approach the problem of the existence of the main characters differently. Ivanov's character associates the topos of the city with life and hope while Wieck's character – with death and disillusionment. Nevertheless, both texts convey the authors' humanistic attitude to the human being and the world.

Key words: Yuri Ivanov, Michael Wieck, Königsberg, Kaliningrad, toposphere, typological convergences.

References

1. Berdyaev, N. A., 1995. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow.
2. Vik, M., 2004. *Zakat Kenigsberga. Svidetel'stvo nemetskogo evreya* [Sunset of Koenigsberg. Evidence of a German Jew]. St. Petersburg; Potsdam.
3. Gaidenko, P. P., 1994. Man and history in the existential philosophy of Karl Jaspers. In: Yaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow. pp. 5–26.
4. Gil'manov, V. Kh., 2010. *Problemy regional'noi literatury: «kenigsbergskii tekst» kak predmet khudozhestvennogo opyta: uchebnoe posobie* [Problems of regional literature: the "Koenigsberg text" as a subject of artistic experience: a textbook]. Kaliningrad.

5. Ivanov, Yu. N., 2015. *Tantsy v krematorii: desyat' epizodov kenigsbergskoi zhizni* [Dances in crematorium: ten episodes of Koenigsberg life]. Kaliningrad.
6. Yaspers, K., 1994. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow.

The author

Dr Vladimir V. Malashchenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: vladmalkbg@yandex.ru

To cite this article:

Malashchenko V. V. 2017, Character's existence in the Königsberg/Kaliningrad toposphere: Yu. N Ivanov's *Dances in the Crematorium* and Michael Wieck's *The Decline of Königsberg*, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 2, p. 41–49. doi: 10.5922/2225-5346-2017-2-4.